

УДК 811.161.1'373.231:159.923.2:161.114

Т. Ф. Шумарина

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри російської мови

**АНТРОПОНИМНАЯ ПЕРВЕРСИЯ ЛИЧНОСТНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Цель данного исследования – доказать многоплановость корреляционных отношений персональной и социальной самооценки личности и имени собственного. В статье антропоним охарактеризован как средство дискредитации социальной идентичности, как причина эмоционального дискомфорта, как приём коммуникативной перверсии. Анализ перверсийных возможностей имени собственного позволил выявить многообразие антропонимных приёмов умаления статусной самооценки личности.

Ключевые слова: личное имя, коммуникация, дискомфорт, перверсия.

Введение в проблему. В языке каждого этноса существует множество способов, приводящих к эффекту коммуникативной перверсии. Коммуникативная перверсия – речевое решение, подчинённое выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности языковой личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения [1, с. 204].

Личностное «Я», по мнению специалистов, формулируется в современной науке как проблема двух видов идентичности – персональной и социальной. Персональная идентичность (или иначе личностная самооценка) – это система представлений, система приписываемых себе физических, психических и интеллектуальных качеств; социальная – соответственно социальных качеств, которые, впрочем, не всегда объективны и нередко отражаются в сознании искаженно.

В деструктивной речевой коммуникации перверсионный потенциал имени собственного практически неограничен. Принимая на себя функцию индикатора иллокутивной цели говорящего, антропоним неизбежно каузирует перлокутивный эффект в виде негативной эмоциональной реакции адресата и, следовательно, может быть квалифицирован как антропонимный стрессор – фактор, инициирующий возникновение обиды, – эмоционально-психологического состояния, развивающегося вследствие речевого действия, трактуемого адресатом как противоречащее самооценке и вызывающее эмоциональный дискомфорт.

Продуктивные антропонимические модели, провоцирующие дискомфорт, предполагают комплексное – социо- и психолингвистическое – изучение. Функционирование имени собственного в качестве стрессора, содержащего негативную эмоциональную оценку персональной идентичности, – возраста, пола, этнопринадлежности и, наконец, самого имени объекта – ранее уже подвергалось нами разноаспектному анализу. Однако описание совокупности всех представлений личности о себе («Я–концепции») в связи с антропономинативным поведением в коммуникации требует существенных дополнений и уточнений, в чём и состоит **актуальность** данного исследования.

Успешное функционирование имени собственного в качестве стрессора и провокатора эмоционального дискомфорта определяется высокой степенью значимости личного имени для индивида и может быть обусловлено депривацией его структуры или семантики.

Специфические коммуникативные приёмы экспликации антропонимического стрессора данного типа имеют как экстра-, так и интралингвистическую природу. В этой связи представляют определённый интерес антропонимные актуализации в аспекте мнемической деятельности: забывание, неточное воспроизведение имени и, как следствие, демонстрация индифферентности.

Одна из причин забывания имён является следствием семантической редуцированности антропонимных единиц и заключается во взаимосвязи семантического и темпорального факторов. Впервые экспериментально была установлена временная зависимость сохранения в памяти бессмысленного вербального материала Г. Эббингаузом, доказавшим, что постепенное уменьшение возможности припоминания и воспроизведения материала (то есть забывание) прямо пропорционально длительности временного отрезка. В этом и состоит, на наш взгляд, первая причина забывания имён. Вторая – в зависимости забывания от объёма запоминаемого материала. «Не помню. Простите, никак не могу вспомнить. Ведь *сколько лет, сколько, сколько сотен имён...* Трудно вспомнить...», – так иллюстрирует А. И. Куприн, общепризнанный писатель-реалист, два фактора: время и количество, – обуславливающих забывание семантически полных антропонимов. Однако есть и третья причина, и она заключается в степени значимости для субъекта запоминаемого имени: чем меньше значимость, тем вероятнее забывание. Независимо от конкретной причины отсутствия у адресанта антропореперентной компетенции, забытые или искажённые именованья – настолько неприемлемый для объекта факт, декодируемый как символ безразличия к имени, а следовательно, и к его денотату, что неизменно порождается реактивный компонент дискурса. По интенсивности и характеру реакции можно судить о силе эмоционального воздействия на слушающего, хотя уже сам факт наличия реагирования на антропонимный провокатив является веским доказательством его актуальности. Защитные паттерны могут включать антропонимную единицу, а зачастую вообще состоять из одного антропонима. Действенным контраргументом является и эффект молчания: «Ольга. Василий

Петрович, я ...» – «Кузовкин. Меня Васильем Семёнычем зовут, Ольга Петровна» (И. С. Тургенев) или «...мой жених *Ганс* служит кельнером в ресторане-автомате. – И если ваш будущий жених ...*Фриц*... – *Ганс*, мадам... – Но ведь ваш *Альберт*... – *Ганс* ... – кротко поправила немка» (А. И. Куприн). Подобный тип ущербного антропонимного поведения не претерпел существенных изменений и донныне: «*Владимир*, – поклонился я. – Топаем, – приказал Марсель, – эй, *Виктор*, чего стоишь. – *Меня зовут Владимир*, – поправил я. – Шагай вперёд, – *не смутился певец*» (Д. Донцова).

Эмоциональное переживание дискомфорта возникает также в ответ на игнорирование притязаний личности на признание «ценности себя», собственного достоинства, которое отождествляется объектом с личным именованием, его значимостью, популярностью, эстетичностью и другими позитивными характеристиками («Она боялась, что босс *обзовёт* её кавалера *каким-нибудь Акакием* и испортит ей не только вечер, но и всю жизнь» (Г. Куликова). Если перлокутивный эффект оскорбления прогнозируется говорящим, то в роли индикатора инвективности используется не качественная сторона антропонимной единицы, а фактор её количественного нагнетания в коммуникативном акте. Так, например, диалог из тургеневской повести, включающий четырёхкратное использование провокативного обращения в форме искажённого фамильного варианта (*Кнастер* вместо *Кистер*), завершается, как и следовало ожидать, адекватным декодированием интенции и конгруэнцией в виде предложения дуэли; аналогично в романе «Новь»: «Г-н Паклин, вы едете со мною, г-н Паклин! Положите ...г-на Паклина! Я везу г-на Паклина! – говорил он, напирая на слово: Паклин! – и на букву «а»! Ты, мол, имеешь такое прозвище, да ещё обижаешься, когда тебе его иначат? – Так вот же тебе! Кушай! Подавись! Г-н Паклин! Паклин!!» (И. С. Тургенев). Подобный приём инициации психического дискомфорта настолько эффективен, что прослеживается на протяжении целого ряда исторических периодов. Ср. у современных авторов «Оттого, что тип ему сразу *не понравился*, Сильвер слегка *переиграл* с радушием: «А! *Максимилиан!* – воскликнул он... – Моя помощница только о вас и говорит. Всё *Максимилиан* да *Максимилиан*» (Г. Куликова).

Причиной эмоционального дискомфорта может явиться любое антропонимное употребление, не отвечающее уровню самооценки, даже если оно не содержит иллюкцию оскорбления. Так, моральный эгоцентризм в детском возрасте способен превратить в стрессор практически идентичные антропонимные формы, например *Светочка* и *Светик*. Индивидуально-авторское толкование степени мелиоративного содержания этих единиц и следующее за ним разрушение притязаний ребенка на желаемое отношение к себе способно вызвать сильное эмоциональное реагирование и даже депрессивное состояние. Дабы избежать подобной коммуникативной неудачи, отнюдь не лишним было бы уточнить предпочитаемую адресатом индивидуальную антропонимную норму, поскольку от некоторых имён образуется не одна, а несколько гипопо-

ристик: *Дмитрий – Дима и Митя, Александр – Саша, Шурик* и относительно новое в русской традиции *Алекс, Людмила – Мила и Люда, Мария – Маша и Муся* и т. д., а если принять во внимание смешанные браки, то следует вспомнить и разноязычные корреляты, например, *Александра – Саша, Шура и Леся*. Каждая из форм может оказаться предпочитаемой в автономинации и, как правило, декларируется носителем. Отсутствие же адекватной антропореферентной компетенции оказывается именно тем фактором, который инициирует дискомфорт.

Имя собственное может трактоваться как стрессор и на фоне эффекта обманутого ожидания, а именно: в речевых актах, где имеет место несовпадение иллюкутивных целей и перлокутивного эффекта, что и создаёт конфликтную ситуацию, не прогнозируемую говорящим [2, с. 174]: «*Саша!* – Да, я *Саша!*» (А. И. Куприн). Эффект обманутого ожидания, а следовательно, и дискомфорт отмечается в целом ряде коммуникативных ситуаций неконфликтного типа с вероятностным использованием имени собственного, например похвалы, поощрения, возвеличивания. В качестве стрессора здесь может оказаться не только отсутствие антропонимной номинации, но даже тип её конкретной репрезентации и характер онимно-апеллятивного ряда. Скажем, название посредством фамилии вместо прогнозируемого имени и отчества либо антропонимная персонафикация не всех, а лишь одного из группы (*Иванов и соавторы*), либо предпочтение имени собственному апеллятива (*авторы проекта*).

Социальная идентичность является важным регулятором поведения личности, влияет на способ создания социальных контактов и групповых отношений. Антропонимная составляющая социальной идентичности непосредственно соотносится со степенью адекватности / неадекватности акта самооценки, что, в свою очередь, и определяет характер выражения речевых стратегий, включая и стратегию перверсии.

Таким образом, антропонимная перверсия, рассматриваемая в социолингвистическом плане, может быть охарактеризована как совокупность коммуникативных антропонимных акций, инициируемых обществом либо отдельным индивидом с целью умаления статусной самооценки личности.

В силу своей антропоцентричности имя собственное, как уже отмечалось, потенциально конфликтогенно и потому является мощным суггестивным средством и в межличностной, и в массовой коммуникации, где излюбленным приёмом развенчания авторитета медийных особ по-прежнему остаются антропонимная деривация (*Митюха Медведев, Собчатица*), намёк (*Цитрус – Лимонов*) и негативация популярности имени. Неоспоримыми фактами умаления достоинств личности являются также игнорирование права на имя, закреплённое в социуме конституционно, и деперсонализация (имеются в виду случаи, подобные описанному у М. Булгакова: «Но теперь оперетка грозила плохим... не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а самому Сергею Ивановичу Тальбергу»). Приведённые примеры убедительно свидетельствуют в пользу антропонимной

единицы, доказывая её универсальность в качестве средства коммуникативной перверсии, способного варьировать в соответствии с коммуникативными интенциями и принимать адекватные им формы.

Совершенно очевидно, что функционирование имени собственного в социально отмеченных речевых актах не может исследоваться на материале, в котором элиминирована конкретно-историческая специфика, поскольку элементы стратегии дискредитации обнаруживают своё присутствие в любой форме существования интересов социально-исторической общности в сознании личности. И потому акты антропонимной дискредитации будут представлены к рассмотрению в двух аспектах: стратификационном (дискредитация социально-классовой самооценки личности) и ролевом (дискредитация ролевой самооценки).

В первом случае объектом дискредитации является социальная самооценка объекта именованного, его самоопределение в терминах отнесения себя к определённому социальному страту и его представление о характере привилегий, в том числе и этикетно-антропонимных. Любые отклонения от сформированного по своим представлениям канона интерпретируются как дискредитация. В качестве иллюстративного материала для данного типа обоснованным представляется избрание произведений И. С. Тургенева, для которого реализм составлял творческое кредо, а писательская деятельность охватывала большую часть интересующей нас в социальном плане эпохи, отмеченной гетерогенной структурой общества.

Ущемлением своих дворянских привилегий, своих социальных представлений о должном считает один из тургеневских героев обращение родственника в неподобающей его статусу форме, нарушающей сословный этикет и лишаящей его значительности в глазах окружающих: «Эй, Володька!» – крикнул он своему зятю. – Для него – что я, что какой-нибудь ничтожный казачок Максимка – всё едино». Излишняя фамильярность, граничащая с унижением социального достоинства личности, являлась нарушением этических норм даже в межклассовой коммуникации (в ситуации «верхи» → «низь»), где при известной свободе выбора пейоратив мог приветствоваться лишь в адрес молодых и еще нестарых представителей нечиновных сословий. Если же слуга или крестьянин достигал преклонных годов, фамильярные антропонимные варианты расценивались как неуместные в силу своей уничижительности. Подобные случаи нарушения сословной антропонимной нормы в речевой коммуникации XIX века имели место, но только как единичные употребления, вследствие чего в художественных произведениях функционировали в качестве характерологического средства отрицательного персонажа (вспомним тургеневского барина средних лет, зовущего восьмидесятилетнего слугу Юшкой).

Стратификационно отмеченными можно считать не единственно случаи дискредитации социальной идентичности, осуществляемой посредством антропонимных форм. С этой целью в общении использовались и стратифика-

ционно организованный именной репертуар эпохи, и социально дифференцированные фамилии: «Паклин! – воскликнул Каломейцев. – Прямо деревенское имя. – Паклин... Соломин... Настоящие мужицкие фамилии, а?». Правда, нарушение норм классовой маркированности антропонимикона оценивалось как дискредитация лишь представителями привилегированных сословий и неизменно влекло за собой речевое реагирование в форме табу: «Что ты там об Аграфене Ивановне толкуешь, – воскликнул вдруг бригадир. – И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна – вот как надо её называть... А ты – Аграфена!»

Дискредитация социально-классовой самооценки личности может прогнозироваться, особенно в тех случаях, когда её предопределяют поступки самого объекта именованного. Показательна в этом смысле социальная децентрация (намеренное повышение или понижение своей социальной позиции). Схема данного действия такова: за обращением к антропонимической маске (эксплуатации антропонимного этикета иного социального класса) следует активное неприятие прежних социально-идентичных антропонимных норм. А их навязывание в новой социальной идентичности объекту именованного может привести к нежелательным последствиям – когнитивной ригидности и фрустрации. Проиллюстрируем ситуацию изменения уровня стратификационной самооценки на примере антропонимного варьирования: «Фамилия Семёна Петровича происходила от простых огородников. Прадед его назывался по месту происхождения: Коломенцов... Но уже дед его переименовал себя в Коломейцева; отец писал: Каломейцев, наконец Семён Петрович поставил букву *ь* на месте *е* – и, не шутя, считал себя чистокровным аристократом; даже намекал на то, что их фамилия происходит собственно от баронов фон Галленмейер...» и далее «Отчего вы так полагаете, г-н Коломенцов? (Каломейцев даже *дрогнул*, услышав подобное «искажение» своей фамилии). Дисконфортно в условиях аналогичного антропонимического диссонанса чувствуют себя и лица, понижающие социальный статус: «Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней... Коли вы хотите... я, точно... я из дворянок; только я хочу всё это бросить – и сделаться как все... как все простые женщины... – Как мне вас звать-то? – Марианной. – А по отчеству как вас величают? – *Да на что вам моё отчество?* Зовите меня просто Марианной. Зову же я вас Татьяной. – И то – да не то. Вы уж лучше скажите».

Поводом для антропонимной дискредитации может стать демонстрация адресатом неадекватной, гипертрофированной социальной самооценки. Показателен в этом смысле следующий диалог, где, по-нашему мнению, обнаруживает себя противонаправленная антропонимная дискредитация: «Пунина нет дома? – спросил я самым развязным манером и не снимая шапки. – Господина Пунина, Никандра Вавилыча, в сию минуту точно нет дома, – отвечал, не торопясь, Бабурин». В реплике-акции неэтичным в данной среде антропонимным вариантом дискредитируются социальные антропонимные привилегии объек-

та номінації (право називатися іменем-отчеством). В репліке-реакції також посредством імени власного здійснюється дискредитація приписуваної собі говорящим соціальної ексклюзивності та іменних привілеїв. Подібні випадки антропонічного «контрудара» типові, що пояснюється їх завуальованістю, косвенним вказанням на відступлення від етикету, і тому іменний спосіб являється найбільш прийнятним в культурному суспільстві шляхом відновлення класової ієрархії (в відміння від непрямого уличення в бестактності).

Імя власне активно задіяно в мовній комунікації та як ефективне засіб дискредитації ролевої самооцінки особистості. Як відомо, будь-яка роль інтерналізується, то є в процесі здійснення ролевої діяльності та усвоєння ролевих очікувань у особистості складається своє власне уявлення про ролі, яке може не співпасти з ролевими очікуваннями [3, с. 117]. І це невідповідання знаходить вираження через мову, в тому числі в плані антропонічного поведіння: «Лена... – Я Вам не Лена. Я Лена для близьких мені людей! – Хороши, Елена Васильевна» (т/с «Мертві води Московського моря»). Або у А. І. Куприна: «Нюничка, а куди ж... – починає поручик неординарно кротким та ніжним, навіть слегка дрижачим фальцетом. – Що та-ко-е? Хто це вам за Нюничка! – презирливо обриває його хазяйка». Інтерпретація слухачами запропонованої антропонічної номінації як дискредитуючої його ролеву позицію побуджує останнього до застосування соціальних санкцій.

Причиною дискредитації ролевих антропонічних привілеїв може стати індивідуально-нормативна антропонічна номінація, не відповідаюча вимогам конвенціональних засобів іменування. «Во-перших, Люба, я просив тебе не називати мене ніколи *Александром Андреевичем*. Це вульгарно. Так зовуть тільки купчихи своїх чоловіків. Я думаю тобі не важко називати мене *Сашей* або просто *Александром*. Я думаю, що панові художнику зовсім не покажеться дивним таке обставина, що жінка називає свого чоловіка зменшувальним іменем...» (А. І. Куприн). Інтересно зауважити, що інвективна окраска антропонічних форм, дискредитуючих ролеві привілеї носія імени, еволюціонує та успішно адаптується до специфіки ролевих відносин конкретного історичного періоду.

Таким чином, аналіз перверсійних можливостей імени власного, досліджуваних в межах соціального та персонального самоопределення, дозволив виявити різноманітність антропонічних прийомів зменшення статусної самооцінки особистості, а також встановити, що волюнтаривно-інвективна функція антропонімів соціально та темпорально детермінована стратифікаційною та ролевою специфікою конкретної епохи. В цій зв'язі можуть виявитися корисними далішні дослідження в вказаному напрямку, проводимі на більш широкому корпусі текстів, а також комплексні синхронічні та діахронічні дослідження антропонічної складової «Я-концепції».

Литература

1. Кусов Г. В. Использование специальной терминологии в судебной лингвистической экспертизе / Г. В. Кусов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 203–210.
2. Почепцов Г. Г. Понятие коммуникативной трансформации / Г. Г. Почепцов // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 49–63.
3. Сорокин Ю. А. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович. – М. : Наука, 1979. – 327 с.
4. Стросон П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 55–86.
5. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. / И. С. Тургенев. – М.-Л. : Наука, 1962.

Статтю отримано 5.09.2015 р.

Шумаріна Т. Ф.

АНТРОПОНІМНА ПЕРВЕРСІЯ ОСОБИСТІСНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ

Мета цього дослідження – довести багатоплановість кореляційних відносин персональної та соціальної самооцінки особи й особистого імені. У цій статті антропонім схарактеризовано як засіб дискредитації соціальної ідентичності, як причина емоційного дискомфорту, як прийом комунікативної перверсії. Аналіз перверсійних можливостей особистого імені дозволив виявити різноманіття антропонімних прийомів зменшення статусної самооцінки особистості.

Ключові слова: власне ім'я, комунікація, дискомфорт, перверсія.

Shumarina T. F.

ANTHROPONYMS' PERVERSION OF PERSONAL IDENTITY

The purpose of this article have to prove multifaceted correlations of personal and social self-identity and its name. Anthroponyms have been described as a means of discrediting the social identity, as the cause of emotional discomfort and as the reception of the communicative perversion. Analysis of the communicative perverse features of a proper name revealed a diversity of techniques diminishing the status of self-identification using personal names.

Key words: personal name, communication, discomfort, communicative perversion.